

томондан, бугунги кун воқелигини (поклик, маънавий баркамоллик), инсон борлиғи, ҳаёти ва тақдирига боғлиқ масалаларни сўз санъати талабларидан келиб чиқиб, юксак бадиият билан акс эттириш хос.

Янгиланиш босқичида араб ҳикоячилигида ҳикоянинг янги шакллари намоён бўлди. Замонавий араб адабиётида “қисқа ҳикоя” – «قصة قصيرة» (“қиссатун қасиратун”) шаклидан ташқари “узун ҳикоя” – «قصة طويلة» (“қиссатун тавилатун”) ва “энг қисқа ҳикоя” – «قصة قصيرة جدا» (“қиссатун қасиратун жиддан”) шакллари ривожланди.

“Узун ҳикоя” – «قصة طويلة» (“қиссатун тавилатун”) ҳажм жиҳатдан ўн беш саҳифадан эллик саҳифага бўлган ҳикоялар бўлиб, «қисқа ҳикоя» туридан фарқли равишда марказга қўйилган масалани кенгроқ ва батафсилроқ очиш, инсон руҳиятини, унинг ички оламини, ўй-кечинмалари, онг оқимини очиш, тафтиш этиш, характернинг, шунингдек, тарихий воқеаларнинг кенг қўламдаги тасвири хос.

“Энг қисқа ҳикоя” – «قصة قصيرة جدا» (“қиссатун қасиратун жиддан”) хили шакл жиҳатдан ўзгаришларга дуч келди. Биринчидан, ҳажм жиҳатдан бир неча қаторли жумлалардан икки саҳифагача ҳажмни ташкил этса, иккинчидан, аксарият шеър шакли кўринишига эга. “Энг қисқа ҳикоя” шаклида воқеа-ҳодисалар ғоят зичлашиб, фикр ҳам тиғизланиб, мавҳумлик, матн билан ўйин, тағмаънолилик, рамзийлик, хотиманинг кутилмаган ечим топиши, эртакнамолик, фалсафий мазмундорлик хос бўлиб, бадиий тил ниҳоятда катта роль ўйнайди. Араб ҳикоячилигида мазмуний нуктаи назардан “энг қисқа ҳикоя” шакли фалсафий-мажозий мазмунда, ижтимоий ва маиший-ахлоқий мавзулар доирасида акс этди. “Энг қисқа ҳикоя”-ларда адабий мерос анъаналари ҳам, замонавий бадиий тасвир ва ифода воситаларининг уйғунлашуви ҳам кузатилади.

АРАБСКИЙ НАРОДНЫЙ РОМАН И ОБРАЗ АЙЙАРА

БУЛТАКОВ ИКРОМ

Кандидат филологических наук, ТГИВ

Аннотация. В исследованиях новейшего времени доминирует историко-культурная проблематика. В то время чисто литературоведческим вопросам уделяется недостаточное внимание. Однако надо отметить, что до настоящего времени образ любимого народом персонажа – образ плута – аййара не изучался совсем, также практически не изучался и мир юмора литературы арабского средневековья в целом. Не было сделано попыток определить его национальные и эпохальные особенности.

Одной из характерных особенностей смеха в сире является его направленность на самого смеющегося. Он чаще всего смеется над собой, своими злоключениями и неудачами. Герои сир – эпигоны главного персонажа – удивительным образом соединяют в себе черты обыкновенного, рядового человека, не блестящего красотой, не образованного и идеальные, героические черты. Он смел и отважен, верен друзьям и великодушен с врагами, находчив, умен, неутомим и благороден духом.

Характерные особенности других средневековых произведений, как плутовской роман или плутовскую повесть – яркое изображение жизни самых разных слоев городского общества того времени, небольшое количество фантастических элементов, которыми так богато, ироническое

отношение к изображаемому, граничащее с цинизмом, и связанное с этим отрицание дидактики. В плутовском романе нет места кротости и терпению, добродетелью считаются ловкость, а также хитрость, напористость и сила. Подлинный герой здесь – это тот, кто сумеет сыграть самую ловкую шутку с соперником, перехитрить его.

Плутовские сказки и рассказы в арабской литературе играли большую роль в развитии арабской повествовательной прозы, которая получила новые возможности за счет расширения тематических и художественных границ. Соединения элементов юмора, фантастики и карикатуры, пародийно-сатирических и фантастико-утопических тенденций позволили соотнести повествования об аййарах с общемировой традицией народной культуры.

Опорные слова и выражения: арабская народная литература, смеховой мир, сира, народный роман, плутовские сказки и рассказы, аййар, образ, сюжет.

Аннотация. Замонавий тадқиқотларда тарихий-маданий масалаларга катта эътибор қаратилаётган бўлса-да, адабиётшунослик масалаларига етарлича эътибор берилмайди. Бироқ, шуни таъкидлаш керакки, шу вақтга қадар халқ севган қаҳрамонлардан бири – айёр образи умуман ўрганилмаган, шу билан бирга арабларнинг ўрта асрлардаги кулги дунёси ҳам тўлиқ тадқиқ этилмаган. Унинг миллий ва даврий хусусиятларини аниқлашга ҳаракат қилинмаган.

Сиралардаги кулгунинг ўзига хос хусусиятларидан бири бу – унинг кулаётган одамнинг ўзига қаратилганлигидир. Уларда қаҳрамон кўпинча ўзининг бахтсизликлари ва камчиликлари устидан кулади. Сираларнинг қаҳрамонлари – бош қаҳрамон эпигонлари – ҳайратланарли даражада гўзал бўлмаган, оддий, ўқимаган инсоннинг хусусиятларини, идеал, қаҳрамонона хусусиятларни ажойиб тарзда ўзларида мужассам этадилар. Улар кучли ва жасур, дўстларига содиқ, душманларига саҳий, топқир, ақлли, чарчоқ билмас ва олийжанобдир.

Ўрта асрлардаги бошқа асарлар, хусусан, фирибгарлик романлари ёки фирибгарлик қиссаларининг характерли хусусиятлари – ўша даврдаги шаҳар аҳолиси турли қатламлари ҳаётининг ёрқин тасвири, кўп бўлмаган фантастик унсурлар, тасвирланаётганларга истеҳзоли муносабат эди. Фирибгарлик романида юмшоқлик ва сабр-тоқатга ўрин йўқ, жўшқинлик, шу билан бирга айёрлик, қатъийлик ва куч-қудрат асосий фазилатлардан ҳисобланади. Бу ерда ҳақиқий қаҳрамон рақиб билан энг зўр ҳазил қилган, уни алдаб, енгиб чиққан кишидир.

Араб адабиётидаги фирибгарлик ҳақидаги эртақ ва ҳикоялар мавзу доираси ва бадиий тасвир чегараларининг кенгайиши орқали янги имкониятларга эга бўлган араб насрининг ривожланишида катта роль ўйнайди. Юмор, илмий фантастика ва карикатура элементларининг уйғунлиги, тақлидий-сатирик ва фантастик-хаёлий тенденциялар айёрлар ҳақидаги ривоятларни умумжаҳон маданиятининг анъаналари билан муносабатда бўлиш имконини яратди.

Таянч сўз ва иборалар: араб халқ адабиёти, кулги дунёси, сира, халқ романи, фирибгарлик эртақлари ва ҳикоялари, айёр, образ, сюжет.

Abstract. Historical and cultural issues dominate in modern research. While purely literary issues receive insufficient attention. However, it should be noted that until now the image of the character beloved by the people - the image of the rogue -ayyar has not been studied at all, just as the world of human of the literature of the Arab middle ages as a whole has not been studied. No attempt was made to determine its national and epochal features.

One of the characteristic features of laughter in syrah is focus on the laughing man himself. Laughing most often laughs at himself, at this conclusions and failures, the heroes of sirah - the epigones of the main character – surprisingly combine the features of an ordinary person, not shining with beauty, not educated, end ideal, heroic features. He is brave and courageous, faithful to friends and generous with enemies, resourceful, smart, tireless and noble in spirit.

The characteristic features of other medieval works, such as rogue romance or the rogue novel, are vivid depiction of the life of various layers of urban society of that time, a small number of fantastic elements that are so rich, an ironic attitude to the image, bordering on cynicism, and the associated denial

of didactics. In the rogue novel there is no place for meekness and patience, dexterity, as well as cunning, assertiveness and strength, are considered virtue. The true hero here is the in who manages to play the most deft joke with the opponent, outsmart himself.

Roguish literature played a large role is the development of Arabic narrative prose, which received new opportunities by expanding thematic and artistic boundaries the combination of elements of humor, science fiction and caricature, parody-satirical and fantastic - utopian tendencies made it possible to correlate the ayyar narratives with the global tradition of folk culture.

Keywords and expressions: Arabic folk literature, laughter world, syrah, folk romance, roguish tales and stories, ayyar, image, plat.

Европейские путешественники, попадавшие в страны Машрика и Магриба в прошлые века, в своих записках отмечали небывалое распространение и популярность арабов-сказочников. Это отмечали и путешественники, и дипломаты, и врачи, и ученые, и писатели, и «торговые гости», привозившие в заморские страны свои товары. О новой, неизвестной жизни, диких нравов и обычаях они писали в своих путевых дневниках и записях, из которых мы сегодня можем получить массу интересной информации о жизни средневекового Востока. В них, в частности, говорится о сказочниках XIX века, но традиции на Востоке отличаются особой устойчивостью, и если многие из обрядов далекой старины сохранились и в наши дни, то вряд ли были большие различия между сказочниками XIII и XIX веков.

А вот как русский писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, известный описаниями своих путешествий по Востоку, представляет образы странствующих рассказчиков – артистов пустыни: «Они ходят по всему Алжиру и Магрибу. В лохмотьях, босоногие, но всмотритесь в эти лица. Орлиные носы, пламенные глаза, высокие лбы. Старый писатель сказал бы: с печатью истинного гения, хоть на гениях я вообще таких печатей не видел. Низко падают черные бороды, волнистые, шелковые. На лицах выражение печали, точно они поют о своей тоске, о личных страданиях. Ноздри трепещут, голос плачет, хотя строфы, заученные этими баритонами и тенорами, так же пелись несколько веков назад в таинственных городах счастливого Йемена, в солнечных оазисах Дарфура и Кордофана, по всему Нилу, в забытых нумидийских гнездах Триполи, в священном Кайруане и на юг вплоть до арабских поселков по всему Чаду. Вся скорбь Востока вылилась в этих словах, в их лейтмотивах – наследие давно исчезнувших народов и царств Тигра и Евфрата»¹.

Особенно ценным в рассказах сказочников было то, что собственно можно назвать индивидуальным творчеством - отступления от канонического текста, импровизация.

Фольклор, исполняемый профессиональными чтецами и сказочниками, позднее начали записывать, составляя что-то вроде отдельных репертуарных сборников. Именно таким образом к XIII веку сформировалось знаменитое собрание сказок «Тысячи и одной ночи». Истории из «1001-ой ночи» включались в устный репертуар профессиональных сказочников, а записи позволяли умножать их число, дополняя любое существующее издание все новыми и новыми волшебными сказками, бытовыми новеллами, короткими анекдотами или дидактическими историями. В результате от основного собрания сказок «Тысячи и одной ночи» отпочковалось несколько самостоятельных циклов. Один из них – «плутовской» – рассказывал о проделках веселых смельчаков из народа. Другой повествовал об авантурных похождениях Харуна ар-Рашида, который в 786–809 годы правил Аббасидским халифатом. Третий цикл образовался вокруг царевича Синдбада, оклеветанного рабыней отца и ушедшего в далекие плаванья, где он испытал увлекательные приключения.

¹ Nemirovich-Danchenko V.I. Kray zolotogo zakata (The edge of the golden sunset). – Berlin, [w.y.]. – S. 122.

Таким образом, в сказках «Тысячи и одной ночи», создание которых прошло длительную, сложную и многонациональную эволюцию, переплелось множество элементов сказочной и фольклорной литературы всего восточного средневековья – сюжеты, имена, мотивы, атрибуты, исторические эпизоды.

Большой популярностью в устном исполнении пользовались и «сиры» – «жизнеописания», действующими лицами в которых были как исторические личности, так и вымышленные персонажи, героические подвиги в сирах соседствовали с любовной интригой, исторические реалии – с анахронизмами и противоречиями. Память народа сохранила и донесла до нас эти произведения, в которых смешались воедино и крестовые походы, и межплеменные распри, и арабские завоевания.

Особую известность у арабов имела «Сират Антара» – роман про Антару, сына арабского шейха и рабыни-негритянки, вполне реально историческое лицо. В доисламской кочевой Аравии он был известен как поэт, но постепенно его образ вбирает в себя множество вымыслов, благодаря которым события сиры перестали быть реальной историей. Храбрый и мужественный Антара совершает массу героических подвигов, побеждает всех богатырей, покоряет Северную Африку, Испанию, Рим и даже некую страну демонов, становится рыцарем, женится на благородной Абле¹.

Разные социальные слои арабского общества – от вольнолюбивых кочевников до правителей Багдадского халифата с их интригами, обманом, продажностью – предстают перед нами в цикле рассказов «Сира о женщине-витязе Дельхеме и о ее сыне княжиче Абд аль-Ваххабе, о героях священных войн, борцах за божье единство».

В основе другого более позднего романа – «Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса»² лежит история мамлюкского султана Захира Бейбарса (XIII век), жестокого и деспотичного, но завоевавшего большую популярность своими подвигами и борьбой против захватчиков-монголов. Запись романа насчитывает тысячи страниц и состоит из нескольких циклов – «захиров», насыщенных, также, и множеством вставных комических интермедий. Исполнители этой сиры также получили специальное название «махетдины», сказителей, рассказывающих о похождениях другого героя, Абу-Зейда, называли «хоарасы». Можно предположить, что в средневековье у каждого исполнителя был свой собственный репертуар.

Практика устных рассказов произведений об известных исторических и вымышленных личностях сохранялась на протяжении веков, а присутствие при подобном представлении оставляло неизгладимое впечатление.

После небольшого вступления, призванного проиллюстрировать популярность народных повествований, исполнявшихся, как мы видели, прямо на улицах, перейдем непосредственно к задачам нашего исследования.

Приступая к исследованию какого-нибудь произведения, мы исходим, прежде всего, из жанра, к которому его относят. При этом неизбежно приспособление рассматриваемого материала к привычному для нас жанровому термину: мы ищем в произведении свойства, этому жанру присущие. Такое явление имеет свои положительные стороны, ибо без него невозможна классификация. Но иногда бывает полезно возвратиться к оригинальному

¹ Jizn i podvigi Antari (life and exploits of Antara). Na russkiy yazik «Roman pro Antaru» bil pereveden v sokrashenii I. Filshtinskim i B. Shidfar. – M., 1968.

² Jizneopisanie sultana az-Zaxira Beybarsa. Na russkom yazike roman izdan v per. V. Kirpichenko. predisl. I. Filshtinskogo. – M., 1975.

названию для того, чтобы уяснить, почему у себя на родине данный жанр именовался так, а не иначе. Особенно это бывает необходимо для терминов, у которых отсутствует точный эквивалент в другом языке, а в переводах наблюдается неопределенность или даже разнбой. Так, например, это происходит с рассматриваемыми нами повествованиями – в арабском литературоведении жанр именуется – *сира* (мн. *сияр*), т.е. «жизнеописание», «рассказ», «история», в то же время русские и западноевропейские исследователи жанра называют эти повествования по-разному – роман, эпос, рыцарский роман, жеста, народный роман и т.д.¹. Систематическое изучение сияр (мы решили воспользоваться арабским термином) началось во второй половине XIX века.

В исследованиях новейшего времени² доминирует историко-культурная проблематика. В то время чисто литературоведческим вопросам уделяется недостаточное внимание. Исключения редки. Отметим, прежде всего, монографию Н.Ибрагимова «Арабский народный роман». В ней содержатся интересные наблюдения относительно структуры повествования, анализируются художественно-стилистические средства. В кандидатской диссертации Д. Онаевой, посвященной исследованию «Сират бани хилал», самая большая по объему третья глава целиком посвящена анализу стилистических особенностей этого одного из самых объемных памятников арабской народной литературы³. Однако надо отметить, что до настоящего времени образ любимого народом персонажа – образ плута – *аййара*, без которого, на наш взгляд, немыслима *сира*, не изучался совсем, также практически не изучался и смеховой мир арабского средневековья в целом. Не было сделано попыток определить его национальные и эпохальные особенности. В настоящей статье мы делаем попытку хотя бы очертить и наметить пути изучения этих особенностей.

Одной из характерных особенностей смеха в *сире* является его направленность на самого смеющегося. Смеющийся чаще всего смеется над самим собой, над своими злоключениями и неудачами. Широко распространенный в мировом эпосе мотив чудесного рождения героя⁴ в отношении Омара в «Сират Хамза» превратили в гротеск⁵.

- Был у эмира Ибрахима невольник, женатый на черной рабыне. Узнав, что Бузурджмихр одаривает деньгами родителей мальчиков, которым посчастливилось родиться в сей замечательный день (т.е. в день рождения богатыря Хамзы: И.Б.), он прибежал домой, чтобы сообщить эту новость жене.

- А нам какое дело? – удивилась женщина. Мое время еще не пришло. Наш ребенок родиться через два месяца.

Муж разозлился, схватил палку и начал колотить беременную жену. Он бил её до тех пор, пока бедная женщина не выкинула маленького черного мальчика. (Это был Омар – двойник Хамзы. И.Б.).

¹ Ibragimov N. Arabskiy narodniy roman (Arabic folk novel). – М.: Nauka, 1984. – S. 9–30.

² Ibragimov N. Arabskiy narodniy roman (Arabic folk novel). – М.: Nauka, 1984; Muxtarov T. Ocherki srednevekovoy arabskoy prozi (Essays on Medieval Arabic Prose). – Т.: Fan, 1992; Kudelin A.B. Formulnie slovosochetaniya v «Sirat Antara» // Pamyatniki knijnogo eposa (Formular phrases in "Sirat Antara" // Monuments of the book epic) – М.: Nauka, 1978. – S. 84–105.

³ Onayeva D. «Sirat bani xilal» – xarakternoe proizvedenie pozdnesrednevekovogo arabskogo eposa (Sirat Bani Hilal – a characteristic work of the late medieval Arabic epos). Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – М., 1974. – S. 25.

⁴ Jirmunskiy V.M. Tyurkskiy geroicheskiy epos (Turkic heroic epic). – М.-Л.: Nauka, 1974. – S. 35–37.

⁵ Qissat al-Amir Hamza al-Bahlavan [قصة الأمير حمزة البهلوان]. – Cairo, w.y. V. 1. – S. 10.

Давно замечено, что по литературе “бродит” вереница знаменитых пар – герои и их двойники, так сказать “парные герои” – Дон Кихот и Санчо Панса, Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак, Дон Жуан и Лепорелло.

На первый взгляд, герои каждой пары противопоставлены друг другу – мечтатель Дон Кихот и остроумный Тиль даже внешне не похожи на мужиков с толстым брюхом Санчо и Ламме. Но, конечно же, это слишком поверхностный взгляд. В этих образах, неотделимых друг от друга, народ предстает в своих лучших чертах – народ возвышенный, народ мечтательный, народ практичный. Какая-то общая мечта народа воплощена в таких парных героях. Как бы карикатурны ни были “антиподы” героев – в них также доброта и прелесть народа, прекрасные черты народного склада. Их устами говорит многовековая народная мудрость, находящая выражение в богатейшем фольклоре, здоровом практицизме. Из этих пар один герой без другого – своего “напарника” – немыслим. Их постоянное «сотрудничество» ведет к взаимному обогащению, в определенных ситуациях к гармоническому слиянию, возвышенности мысли в сочетании со здоровой народной мудростью, обоюдному увеличению силы и ловкости этих героев.

Такое же явление парных героев было отмечено египетским исследователем сиры Фарухом Хуршидом, который писал о “двойном герое” в арабской народной сире¹. Ф. Хуршид говорил о том, что сира (он подробно исследовал сиру об Антаре) как бы создала традицию двойного героя или наличия “героев-двойников”, один из которых “опирается на физическую силу”, как Антара или Хамза, а другой – на хитрость, ловкость и быстроту, как Шайбуб или Омар. Конечно, мысль Ф. Хуршида о наличии своеобразной традиции (ниже мы ее проследим) очень глубока и верна, но, пожалуй, можно согласиться с мнением узбекского востоковеда Н. Ибрагимова о том, что традиция двойников уходит ещё глубже, и поэтому можно говорить, что это – одно из самых архаических явлений, повлиявших на структуру арабской сиры. Двойники основного героя имеются во всех народных романах – в сире об Антаре это Шайбуб – типичный разбойник с большой дороги времен Джахилии; в романе об Амуре Хамзе – это Омар ал-Аййар – народный герой, плут и обманщик, боровшийся, по народному представлению, с персами; в сире об Амуре Зат ал-Химме – это разбойник ущелий и гор; в повести о Бейбарсе – аййары Египта и Сирии.

Противопоставление – единство героев-“двойников” проходит почти во всех сирах по одной схеме. Вот, например, Омар из “Сират Хамза” – он эпигон главного героя Хамзы. Хамза – избранник провидения, судьба его заранее предопределена. Омар – карикатурен, выписан мельче, но правдоподобнее, он – отражение Хамзы, но отражение в уменьшенном и искаженном виде. Оба героя родились в один день, но Хамза сын амира Мекки, а Омар – сын черной рабыни, муж которой избивает ее палкой, чтобы она родила раньше положенного срока.

Здесь перед нами два взаимодополняющих типа. Образ возвышенный, благородный по происхождению сопряжен с приземленным, намеренно “заниженным” персонажем. Эти “бинарные” герои могут действовать как сообща, так и порознь, каждый из них достаточно самостоятелен. Их слитность воспринимается не просто как результат соучастия в одних событиях, но в значительной степени как смысловая и эстетическая необходимость, ясно сознаваемая рассказчиком и слушателями. Традиционная схема – противопоставление – единство героев, сама по себе свидетельствующая об их архаичности, включает в себе

¹ Ibragimov N. *Arabskiy narodniy roman (Arabic folk novel)*. – М.: Nauka, 1984. – С. 164.

возможности отражения в повествовании широкого спектра реальной действительности, поскольку в силу своего положения сами герои действуют на всех уровнях жизни общества.

Главный герой и его двойник уже в раннем детстве выказывают необыкновенные способности, причем если первый отличается силой, необычной храбростью и благородством, то второй чрезвычайно хитер, изворотлив и ловок.

Омар отличался от своих сверстников тем, что очень быстро бегал и высоко прыгал, в десять лет он прослыл самым опасным и хитрым аййаром в округе. Омар научился так стрелять из лука, что не делал промаха, его стали считать самым лучшим стрелком. Омар любил бродить в окрестностях города, не прочь забраться в чужой сад и безнаказанно полакомиться чужим добром¹.

Все эти качества позволяют говорить о том, что в образе героя-двойника можно наблюдать трансформацию архаического персонажа, так называемого трикстера². В этой трансформации мы склонны видеть пути развития архетипа эпоса, в котором в основном отражалась борьба человека с природой, подвиги богатырей, борьба с чудовищами и т.д. Реальность начинает входить в эпическую сюжетику не летописными фактами, не датируемыми событиями и т.п., а типовыми устойчивыми явлениями и сторонами жизни, ситуациями, которым свойственна повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи. При этом реальность быта подвергается эпическому переосмыслению, а эпическая история в определенном смысле противостоит истории реальной, она как бы исправляет несовершенство этой последней.

В данном случае наш интерес, естественно, сосредоточен вокруг Омара, так как именно он и близкие ему характеры являются необходимыми звеньями в эволюции образа плута и в этом плане могут рассматриваться как примеры развития и углубления реалистических принципов в средневековой литературе (относительность этого понятия и его употребления была оговорена выше). В отличие от Хамзы, изображенного широкими эпическими мазками, образ Омара выписан более подробно, детализирован разнообразием оттенков, его внутренний мир более подвижен, а поступки менее предсказуемы.

Итак, наш ловкий, “маленький, черный, со сморщенным лицом, похожий на обезьяну Омар” с большим искусством добывает деньги, ценимые им превыше всего, он их также быстро достает, как и без всякого сожаления также быстро расстается с ними. Хитрость и изворотливость – вот оружие Омара, единственное, на что может рассчитывать сын черной рабыни – “быстрый как ветер”, способный в «мгновение ока» выполнить любое поручение – проникнуть в лагерь врага, побывать неузнанным во дворце персидского царя... Омар неистощим на выдумки, наделен чувством юмора. Приключения Омара описаны подробнее, со множеством деталей. Во многих сценах Омар удивительно напоминает героя городских новелл – плута. Типологическое сходство образа Омара и героя плутовской новеллы очевидно можно объяснить стремлением к эмансипации человеческой личности, утверждению ее индивидуальных возможностей. Однако если в новеллах городского типа это признак основополагающий, то в сире о Хамзе он лишь намечается. Омар еще скован традицией, он обладает волшебными предметами (чудесное зеркало, сурьма, сумка, шапка-невидимка). Но жизнь Омара более насыщена событиями, свойственными обычной

¹ Qissat al-Amir Hamza al-Bahlavan [قصة الأمير حمزة البهلوان]. – Cairo, w.y. V. 1. – S. 15.

² Ibragimov N. Arabskiy narodniy roman (Arabic folk novel). – M.: Nauka, 1984.

человеческой жизни, т.е. его образ, в отличие от образа Хамзы, более приземлен и “узнаваем”. Приключения Омара подчинены свободному вымыслу и исходят из него, поэтому не всегда можно предугадать ход событий, понять, что предпримет Омар в той или иной ситуации, т.е. у этого персонажа нет принятой эпической заданности, какую мы видим в приключениях Хамзы.

В то же самое время Омар в своих проделках выступает не просто плутом, его не назовешь банальным жуликом, мошенником, аферистом. Часто неблагоприятные проделки наших плутов кажутся таковыми лишь с точки зрения модернизированного сознания. Чистое надувательство и даже издевательство над беспомощным человеком воспринимались в то время как нечто естественное, не затрагивающее норм нравственности, хотя, конечно, многое зависело от жанра повествования. Этот аспект средневекового сознания, может быть, был бы менее понятен сейчас, если бы авантюрная тема не получила столь широкого распространения в мировом искусстве последующих эпох, в том числе и в современности. Так же, как в жизни и приключениях культурного героя хитрость и авантюризм занимают немаловажное место, так и трикстер нередко проявляет качества, присущие его благородному напарнику. И в этом отношении мы с ещё большими основаниями можем не только противопоставлять их друг другу, но и говорить о единстве этих героев.

Ненависть персов, любовь арабов, активность и мудрость, самоотверженность поднимают Омара до его высокого спутника – Хамзы. Такое выступление “прозаического человека” на первый план в качестве напарника центральной фигуры, фабулы большого эпического полотна, мы считаем тем новшеством, которое было принесено образом айяара в традиционные формы эпоса. Такой герой, как Омар, знаменует собой начало появления той новой ветви эпического творчества, которая, как считает В.Кожин, является “необходимым свойством начальной стадии истории романа”¹.

Дальнейшей модификацией, развитием образа трикстера являются образы Джохи из «Сират аз-Захир» и Али Зибак из одноименной сиры. Образ Джохи ещё больше напоминает Омара.

Джоха, не обладающий чертами “благородного героя”, стал любимым персонажем арабской средневековой словесности. Чтобы полнее уяснить причины столь глубокой симпатии к нему здесь уместно воспользоваться материалом бытовой арабской сказки о плутах и разбойниках, где наш герой также был излюбленным и популярным действующим лицом, и хотя бы вкратце охарактеризовать его. Это представляется не только возможным в контексте разговора о сире (народном романе), но и необходимым в силу близости конструктивных элементов (таких как фабула): в нашем случае это плутня или цепочка проделок и приключений (основная пружина развития ситуации, пафос события и, наконец, сам герой) в тех образцах повествовательной литературы различных жанров, которые мы объединили в корпус рассказов о плутах и разбойниках.

Главными составляющими этих образов являются все ещё волшебная сказка и городская новелла в духе «1001-й ночи». Поэтому, перечисляя основные моменты сюжетной линии образа Джохи, мы невольно повторим уже сказанное об Омаре. Те же волшебные предметы, умение изменять внешность, то же отрубание головы, также, как и Омар, Джоха “обслуживает” Бейбарса, постоянно приходя ему на помощь. Переодевшись нищенкой, Джоха проникает в тюрьму и освобождает друзей, добывает сведения о планах врагов, достает

¹ Kojinov V. Proisxozhdenie romana (The origin of novel). – М.: Sovetskiy pisatel, 1963. – S. 140.

деньги. Вообще складывается впечатление, что таким образом создаются новые мотивы, наподобие эпических, связанных с высоким героем, но это мотивы житейского, городского плана. Влияние городской новеллы на трансформацию и формирование образа Джохи проявляется в многочисленных плутовских эпизодах, где идет речь о борьбе Джохи с ворами и разбойниками, или его проделках над простаками.

Излюбленный герой городской новеллы – хитрый плут – здесь успешно соперничает с традиционным эпическим богатырем. Так, например, рождение Шихи («Сират Антара») предсказано (*обычный эпический мотив*), затем раннее богатырство и т.д. То есть, мы наблюдаем известную модификацию образа, который, с одной стороны, усложняется житейскими элементами, а с другой – процессом “совершенствования”. Шиха, как обычный эпический герой – Хамза, Антара, Сайар – уже не только борется с неверными, но и защищает простой люд от шаек бродяг и разбойников. Эти эпизоды сложились явно под влиянием городской новеллы (главным образом, египетской).

Шиха переодевается, колдует, подслушивает, подшучивает и т.д. – типичный городской аййар, которого борьба за существование вынуждала пускаться на всевозможные проделки, разоблачавшие и высмеивающие скряг, глупцов, недалёковидных простаков, жадность и невежество горожан и крестьян. Мораль этих проделок часто определялась не этическими критериями. Тот, кто проявлял большую находчивость, у кого лучшая хватка в жизни, тот и оказывался победителем. В этой роли чаще всего выступали аййары, которых многому научила жизнь, которые знали её с изнанки и умели своей находчивостью одолеть противника. Плутня в сказке, сире, народном романе, макаме была не только фабульной пружиной действия, она как бы выражала пафос этих жанров. Демократические тенденции перемешивались здесь нередко с собственническими воззрениями, в результате чего возобладал частный интерес, моральная оценка оказывалась размытой, что, однако, вовсе не приводило к отсутствию этих оценок.

Герои сир – эпигоны главного персонажа – удивительным образом соединяют в себе черты обыкновенного, рядового человека, не блещущего красотой, не образованного и идеальные, героические черты. Он смел и отважен, верен друзьям и великодушен с врагами, находчив, умен, неутомим и благороден духом. Его душевное благородство, приверженность правде, прямоте всячески подчеркивается (хотя не всегда подтверждается сюжетом, особенно, когда речь о правдивости. Впрочем, ложь и хитрость по отношению к врагам в средние века грехом не считались). Это отграничивает аййара сиры от героя плута и мошенника, каким тот выступает, например, у ат-Таннухи или в макамах аль-Харири или в гораздо более поздних западноевропейских плутовских романах. От фольклорных героев типа Джохи или Ходжи Насреддина аййар сиры тоже значительно отличается: в нем совершенно отсутствуют черты простака, наивное плутовство. Если, например, приглядеться к западноевропейским произведениям романного жанра, созданным во второй половине ХIII столетия, во Франции, или точнее, в эпоху Кретьена де Труа, то там мы найдем на первом плане лишь одну фигуру – рыцаря, вокруг которого, как правило, строится повествование. В наших произведениях Омар или Шиха – яркие, самостоятельные персонажи, оживляющие своими действиями и поступками постоянно повторяющиеся, шаблонные приключения главных героев. Так в народной литературе шел процесс постепенного отпочкования от структуры волшебной сказки, где одногеройность является характерной чертой. Появление такого персонажа в больших эпических повествованиях мы считаем большим открытием народной литературы, в известной мере – отражением её своеобразного «гуманизма».

Совершенно особое место среди повествований типа «сира» занимает сира об Али Зибаке. На наш взгляд, в повествовании об Али Зибаке сюжетобразующую роль играет не эпический мотив, а плутня, мошенничество, и второе, что можно отметить – отсутствие какой бы то ни было мусульманской апологетики. Сира об Али Зибаке – горько ироническое произведение, «введение в жизнь», показательная «автобиография» (уже не сира - жизнеописание), руководство по искусству жизни среди «невзгод и злоключений». Али, потеряв отца и отчима, попадает в обучение к человеку, который дает ему первые уроки жизни. Это был тот самый учитель, которому маленький Али поджег чалму... Маленького мальчика с первых шагов жизни учат, что в жизни необходимы хитрость, изворотливость, плутовство и нечувствительность, что без них не обойдешься, и что только с их помощью можно осилить чужую хитрость, жестокость и плутни. Весьма интересен рассказ анонимного автора о том, как он получил свою воровскую кличку «Зибак» - то есть ртуть.

Первые же испытания, например, учеба у жестокого шейха, мгновенно рождает в голове маленького Али мудрую житейскую заповедь: «надо быть начеку и не зевать, ибо я сирота и должен уметь постоять за себя». С этого момента Али начинает изопрятаться в умении «стоять за себя». С поразительным стоицизмом мальчик усваивает «уроки», преподаваемые жизнью в большом городе (эпизоды со сливками, в мечети, с финиками). Начальный курс науки жизни завершен. Теперь Али может постоять за себя. Он готов к преодолению «невзгод и злоключений». Если рассказ первый (обучение в школе) учит тому, что в жизни не обойтись без хитрости и изворотливости, то рассказ второй (украденные сливки) повествует уже о «шлифовке» плутовского искусства.

На наш взгляд, образ Али Зибак в одноименном романе можно считать вершиной разработки образа айяара в арабской средневековой литературе, где в неразрывном единстве слились моменты мифа, героического эпоса и волшебной сказки, городской новеллы. Нам кажется, что именно благодаря, или из-за образа Али Зибак и произошло распадение формы и содержания такого зыбкого понятия как “народный роман”. По-видимому, как и всякий другой исторически сложившийся жанр, сира предполагала некоторую преемственность содержательных и структурных моментов, связанных с определенной поэтикой, принятых однажды в одном произведении и разрабатываемых и обновляемых в произведениях последующих. В сире об Али Зибак и произошло распадение формы и содержания – верный признак завершения исторической жизни жанра.

Сиры в своей основе и по своей задаче жанр апологетический. Герой сиры призван судьбой совершать великую историческую миссию: либо превозносить новую веру – в данном случае ислам, либо защищать её от врагов-иноверцев, - как Хамза, Сайф и Бейбарс. Такую религиозно-апологетическую тенденцию мы можем проследить во всех произведениях сиры, кроме сиры об Али Зибак. Традиционные эпические мотивы (богатырское детство, волшебный помощник, добывание невесты) в романе об Али хотя и наличествуют, но уже не играют сюжетобразующей роли. Например, детство героя – если детство Хамзы или Антары сразу говорит нам о некоей необыкновенности героя, то детство Али – это школа и плутни ученика, все очень обыкновенно.

В детстве Али не совершает подвигов, не встречается с волшебником, ничего не знает о своей судьбе. Али обыкновенный мальчишка, постоянно насмехающийся над своим шейхом, то сжигает чалму, то съедает сливки – это незлые, детские проделки. В эпизодах, рассказывающих о детстве, собраны популярные городские сюжеты о дураках, героем которых чаще всего был Дждоха.

Сиру об Али Зибакe помимо всего, о чем мы говорили выше, отмечает ещё и необыкновенная разветвленность циклизации, в процессе которой в сиру, где и так отсутствует единая сюжетная канва, включаются все новые и новые сюжеты народных повествований, анекдотов, увеличенных за счет детализации, описаний до размеров новелл, делают композицию весьма сложной.

Определяя повествование об Али Зибакe и других как плутовской роман или плутовскую повесть, мы должны отметить его основные особенности, характерные для данного жанра: яркое изображение жизни самых разных слоев городского общества того времени, небольшое количество фантастических элементов, которыми так богато, например, повествование о Джаударе Рыбакe, ироническое отношение к изображаемому, граничащее с цинизмом, и связанное с этим отрицание дидактики. Добро и зло здесь как бы поменялись местами. В плутовском романе нет места кротости и терпению, добродетелью считаются ловкость, а также хитрость, напористость и сила. Подлинный герой здесь – это тот, кто сумеет сыграть самую ловкую шутку с соперником, перехитрить его. Но обо всех этих «шутках» и «хитростях» рассказано так динамично, занимательно и весело, что мы поневоле проникаемся симпатией к Али, Далиле и Зайнаб, любуясь их неистощимой изобретательностью, – ведь они обманывают глупцов и простаков, верящих в «святого старца», который может помочь забеременеть бездетной женщине, принимающих на веру и без тени сомнения самые невероятные вещи. Здесь совсем не та мораль, которая утверждалась в «Джаударе»: будь кротким, добросердечным, терпеливым, и судьба пошлет тебе счастье. Повествование о плутах, выражая точку зрения средневекового горожанина «среднего класса», утверждает: будь хитер, ловок, смел, не будь разиней и не доверяйся слишком людям, и тогда, может быть, судьба будет к тебе благосклонна. Если читать «Жизнеописание Али Зибакa» целиком, то там можно найти и отдельные моралистические высказывания в духе «Джаудара Рыбакa», кажущиеся несколько ханжескими в общем контексте плутовского романа. Не случайно, наибольшей популярностью в народе пользовались те части, где таких высказываний нет, и именно эти главы вошли в «1001 ночь», в которую многолетней и многовековой практикой были отобраны лучшие отрывки или части произведений средневековой арабской прозы.

В заключении можем сказать, что плутовские сказки и рассказы в арабской литературе играли большую роль в развитии арабской повествовательной прозы, которая получила новые возможности за счет расширения тематических и художественных границ. Благодаря этим произведениям литература на арабском языке впервые стал носителем новых качеств, выразителем умонастроений тех слоев общества, которые никогда ранее не прибегали к литературным формам самовыражения. Соединения элементов юмора, фантастики и карикатуры, пародийно-сатирических и фантастико-утопических тенденций позволили соотносить повествования об аййарах с общемировой традицией народной культуры.

